

Особенности отношения молодёжи к российской истории: влияние профессиональных полей и ценностных позиций

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-95-107

Андрюшков Андрей Александрович – канд. полит. наук, старший научный сотрудник Проектно-учебной лаборатории «Молодёжная политика», ORCID: 0000-0001-9411-767X, aandryushkov@hse.ru

Клюс Александрина Григорьевна – канд. филол. наук, аналитик Проектно-учебной лаборатории «Молодёжная политика», ORCID: 0009-0002-7817-4353, aklus@hse.ru (контактное лицо для переписки).

Михайловский Андрей – помощник проректора, ORCID: 0009-0005-6709-8377, avmikhaylovskiy@hse.ru

Сергеев Юрий Николаевич – главный аналитик Проектно-учебной лаборатории «Молодёжная политика», ORCID: 0009-0000-1669-8392, ysergeev@hse.ru

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Адрес: 101000, Москва, Покровский б-р, д. 11

***Аннотация.** В статье приводятся результаты исследования историко-культурных оснований российской идентичности современной молодёжи, проводившегося в 2023 году. В целях более точного анализа особенностей самоидентификации молодёжи были выделены категории молодёжи, относящиеся к разным профессиональным и социальным полям. Рассматривая историко-культурную идентичность как осознание личной связи человека с прошлым, настоящим и будущим России, авторы исследуют историческую память выделенных категорий молодёжи как одно из ключевых оснований для выработки устойчивых форм российской идентичности. Исследование носило эксплораторный характер, сформулированные по его результатам предварительные выводы позволяют говорить о необходимости разработки комплексных моделей исследования процессов идентификации молодёжи с Россией и выработки более таргетированных стратегий исторической политики, ориентированной на молодёжь.*

***Ключевые слова:** российская идентичность, историческая память, историческая политика, молодёжь, ценности, патриотизм*

***Для цитирования:** Андрюшков А.А., Клюс А.Г., Михайловский А., Сергеев Ю.Н. Особенности отношения молодёжи к российской истории: влияние профессиональных полей и ценностных позиций // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 11. С. 95–107. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-95-107*

Features of Student Youth's Perception of Russian History: The Influence of Professional Fields and Values

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-95-107

Andrei A. Andryushkov – Cand. of Sci. (PhD) (Politics), Senior Re-searcher at the Project and educational laboratory “Youth Policy”, ORCID: 0000-0001-9411-767X, aandryushkov@hse.ru

Aleksandrina G. Klius – Cand. of Sci. (PhD) (Philology), Analyst at the Project and educational laboratory “Youth Policy”, ORCID: 0009-0002-7817-4353, aklus@hse.ru (correspondin gauthor)

Andrei Mihailovski – Assistant to the Vice-Rector, ORCID: 0009-0005-6709-8377, avmikhaylovskiy@hse.ru

Yuriy N. Sergeev – Chief analyst at the Project and educational laboratory “Youth policy”, 0009-0000-1669-8392, ysergeev@hse.ru, ORCID:

HSE University, Moscow, Russia

Address: 11 Pokrovsky ave., Moscow, 101000, Russia

Abstract. This article presents the results of an study conducted in 2023, examining the historical and cultural foundations of Russian identity among modern youth. The study focuses on how affiliation with different social and professional groups shapes their perception of Russian history and culture. Particular emphasis is placed on the processes through which individuals develop a personal understanding of history, offering an innovative approach to analyzing historical memory in relation to Russia's present and future. The preliminary conclusions drawn from this exploratory research highlight the need for comprehensive models to study the processes of youth identification with Russia.

Keywords: Russian identity, historical memory, historical politics, youth, social fields, values, patriotism

Cite as: Andryushkov, A.A., Klius, A.G., Mihailovski, A., Sergeev, Yu.N. (2024). Features of Student Youth's Perception of Russian History: The Influence of Professional Fields and Values. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 11, pp. 95-107, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-11-95-107 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В настоящее время историческая память как одно из оснований формирования российской идентичности становится предметом как исторических, так и политологических исследований [1–4]. Рассматривая идентичность через взаимосвязанную систему отношения человека к прошлому, настоящему и будущему своей страны [5; 6]¹, историческую память можно определить

как один из ключевых способов проявления идентичности человека, причём в социальных формах, то есть обеспечивающих устойчивую социальную связь с обществом, переживание духовного народного единства, например, в коммеморативных практиках [8].

Консолидация общества по ценностным основаниям является важнейшим условием обеспечения безопасности и развития страны. В современной ситуации вопросы

¹ Во многом этот подход развивает известная немецкая исследовательница исторической памяти европейских народов А. Ассман [7].

ценностных ориентиров и приоритетов могут выступить как источником внутренних конфликтов, так и источником мобилизации общества на решение общезначимых проблем. Историческая память, таким образом, становится важнейшим аспектом формирования идентичности со страной, поскольку именно она отвечает на вопрос, почему данный человек существует в рамках общности (у которой есть история), а не сам по себе в данный момент времени. По определению Б. Андерсона, общность страны – это воображаемое сообщество, и, чтобы вообразить это сообщество, необходимо увидеть его историю, поскольку оно существует в её пространстве. Формирование идентичности следует рассматривать как процесс, который длится на протяжении всей жизни человека, но основа его закладывается в период взросления. При этом именно молодёжь выступает той поколенческой основой воспроизводства исторической памяти, которая обеспечивает историческую и культурную преемственность страны: собственно воспроизводство общества и культурная преемственность во многом определяется содержанием актуальной исторической памяти молодёжи. В связи с этим в последнее время исследование исторической памяти молодёжи многими группами осуществляется в практически-прикладном аспекте – как можно управлять формированием исторической памяти [9]. Исследователи отмечают существенные изменения, происходящие в ходе рецепции молодёжью государственной политики исторической памяти и усиление тенденции на выработку новых, отличных от предыдущего поколения, оценок прошлого.

Так, интересные данные по результатам социологического исследования студенческой группы (2021 г.) приводят А.Р. Тузики и Р.И. Зинурова, обращая внимание на особенную веру молодёжи в миролюбивость стран-конкурентов (в первую очередь, стран – членов НАТО). С точки зрения авторов, это и есть следствие «бессубъектности» курса истории, а также недостаточной эф-

фективности работы нарратива Великой Отечественной войны [10]. А исследование отношения молодёжи к Великой Отечественной войне, проведённое в 2020 году в разных регионах России А.Ю. Ильиным и С.С. Рожневой, зафиксировало падение интереса молодёжи к памяти о событиях 1941–1945 гг., причём в некоторых регионах (особенно в Свердловской области) формируется негативное восприятие существующих практик памятования войны [11].

Сочетание индивидуально-психологических, социальных и политических аспектов формирования исторической памяти молодёжи влияет на существенную дифференциацию молодёжи как по вопросам оценки тех или иных событий прошлого, так и в целом – по актуальности самого обращения к истории для формирования своей гражданской идентичности. В последнее время среди исследователей этого вопроса намечается тенденция необходимости проведения более точечных эмпирических исследований, предполагающих дифференциацию молодёжи [12; 13]. Ключевая социально-психологическая особенность процессов самоидентификации молодёжи связана с ролью социальных групп и полей (семейных, региональных, профессиональных), включённость в которые во многом определяет способ восприятия молодёжью истории и современной ситуации в стране. Изучение особенностей формирования российской идентичности у различных категорий молодёжи позволит обеспечить эффективность принимаемых в этой сфере мер, особенно направленных на студенческую молодёжь в период становления их профессионального самосознания.

Однако в академической литературе недостаточно представлены исследования, учитывающие особенности формирования исторической памяти категорий молодёжи, дифференцированных по профессиональным полям. В этой связи исследование, проведённое в 2023 году коллективом проектно-учебной лаборатории «Молодёжная

политика» НИУ ВШЭ, было направлено на восполнение этого пробела.

Материалы и методы

Исследование, проводившееся в 2023 году коллективом проектно-учебной лаборатории «Молодёжная политика» НИУ ВШЭ, было направлено на выявление особенностей формирования исторической памяти категорий молодёжи, дифференцированных по профессиональным и социальным полям:

- 1) журналисты (студенты и молодые специалисты);
- 2) инженеры (транспортные и машиностроительные направления подготовки в вузах, молодые сотрудники на предприятиях);
- 3) ИТ-специалисты (студенты и молодые специалисты, в том числе работающие на фрилансе);
- 4) «геймеры»: молодёжные группы, культивирующие стиль жизни, связанный с компьютерными играми и производством/потреблением социальных и культурных артефактов этих игр (музыка, кино, мода);
- 5) студенты организаций среднего профессионального образования в сфере услуг;
- 6) сельская молодёжь (студенты сельскохозяйственных вузов).

При выборе категорий молодёжи мы руководствовались прежде всего задачей изучить те социальные поля, в которых традиционные модели патриотического воспитания распространены в меньшей степени, а запрос на изучение истории Отечества и культивирование исторической памяти не является приоритетным (при этом для сравнения была взята группа сельской молодёжи, предположительно имеющая большую включённость в практики патриотического воспитания). По сути, данные категории молодёжи, несмотря на то, что они охватывают большие массы и чрезвычайно важны для развития экономики, являются своеобразным «слепым пятном» для действующих практик патриотического воспитания и исторической памяти. Причины этого, предположительно, лежат в том, что уникальные

процессы самоидентификации молодёжи, происходящие в ходе социализации в этих категориях, в том числе на старших курсах обучения в вузах, слабо учитываются при формировании государственной политики в сфере патриотизма. И для успешной реализации задач, связанных с патриотическим единством российского общества, требуется более глубокий анализ тех ценностей и стратегий самоидентификации со страной, которые характерны для этих групп, особенно через принятие/осмысление истории России. Таким образом, исследование исторической памяти групп молодёжи становится одним из ключевых направлений и социологического исследования, и политики цивилизационной идентичности.

Для проведения собственного исследования в качестве методологии был выбран феноменологический подход (ИФА – интерпретативистский феноменологический анализ), который направлен на понимание того, каким образом индивиды воспринимают собственный жизненный мир. Фундаментальная идея феноменологии заключается в том, что люди рассказывают о своих мыслях, непосредственно опираясь на собственный уникальный пережитый опыт. Данная методология стремится представить качественное многообразие индивидуальных переживаний субъектов и дать детальную интерпретацию их значений, чтобы затем сформировать из них универсальные значения и целостные структуры [14]. Таким образом, в рамках исследовательской ситуации данной работы основное внимание сосредотачивается на индивидуальных переживаниях представителей современной молодёжи, взаимодействующих с практиками патриотического воспитания и формирования исторической памяти, функционирующими в России. Целью является анализ того, как различные категории молодёжи интерпретируют и осмысливают эти ценностные ориентации и практики через свой прямой опыт и участие в социокультурных контекстах, чтобы выявить и исследовать феномены,

складывающиеся в сознании молодых людей относительно их субъективного (само) восприятия собственного места в российском обществе и субъективных элементов их историко-культурного самочувствия, что в конечном итоге нацелено на глубинное понимание процессов страновой (историко-культурной и гражданской) (само)идентификации различных категорий молодёжи с Россией и включённости молодёжи в практики патриотического воспитания и формирования исторической памяти, реализуемые в рамках государственного курса. Далее полученные феноменологические данные интерпретируются с точки зрения формирования патриотического ценностного консенсуса в молодёжной среде и возможных направлениях развития новых стратегий государственной молодёжной политики.

Особо отметим, что данное исследование также носит характер эксплораторного анализа, то есть является поисковым и генерирующим гипотезы. Это значит, что мы находимся на стадии «разведки» в новой, практически не исследованной области (влияние профессионального поля на формирование исторической памяти), и вместо собственного подтверждающего исследования принципа репрезентативности результатов (ориентация на обнаружение общих закономерностей) мы фокусируемся на получении эпистемического доступа к субъективному опыту респондентов.

В качестве метода сбора данных в исследовании использовалось нестандартизированное полуструктурированное глубинное феноменологическое интервью. Отличаясь от структурированного стандартизированного значительным уровнем гибкости и свободы респондента, оно позволяет сосредоточить внимание на определённых темах, ограничивая произвольный характер ответов, но не ограничивая самого интервьюируемого в его высказываниях и способах

выражения мыслей [15]. Открытые вопросы предоставляют возможность респонденту заниматься поиском ответа за счёт (пере) осмысления собственного индивидуального переживания феноменального опыта. Таким образом, в рамках действительного исследования приоритетно не количество респондентов, а насыщенность собранных данных, которые должны отражать качественное разнообразие переживаний субъектов и их жизненных миров.

Объектом качественного феноменологического исследования стали 6 категорий студенческой и работающей молодёжи от 18 до 35 лет. Возрастные рамки основаны на ст. 2 п. 1 ФЗ «О молодёжной политике» РФ², которая причисляет к молодёжи людей в возрасте от 14 до 35 лет, а также на элиминации из выборки несовершеннолетних по этическим причинам, так как исследование затрагивает политические вопросы и носит крайне сенситивный характер. По результатам индуктивной оценки теоретического насыщения выборки в июне–августе 2023 года были проведены глубинные полуструктурированные интервью 4–6 представителей каждой категории (студентов, молодых специалистов), в общей сложности 31 респондента, которые отбирались по социально-профессиональному принципу.

В качестве метода анализа данных было выбрано классическое трёхэтапное кодирование Корбина и Штрауса по методике обоснованной теории [16].

Результаты кодирования структурировались вокруг ответов на ряд исследовательских вопросов.

1. В чём личная ценность знания истории России и коллективных практик исторической памяти для молодёжи данной категории (праздников, памятников, традиций)?

2. Наследниками какой истории России осознаёт себя молодёжь? Как их личное понимание значимых событий российской

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).

истории связано с государственной политикой в сфере исторической памяти? Какие ценности российской истории выделяют представители молодёжи как наиболее значимые для них?

3. Как представители данных молодёжных категорий видят связь между прошлым, настоящим и будущим России? Что из прошлого они считают важным транслировать в будущее и воспроизводить в настоящем?

4. Как профессиональная идентичность влияет на страновую идентичность молодёжи?

5. Какие ключевые события, символы прошлого и формы их коллективного памятования представители данных категорий выделяют как наиболее значимые для них лично, для их социальной группы и для страны?

В рамках выбранной феноменологической рамки количественный этап являлся вспомогательным подходом, встроенным в общую структуру последовательно-смешанного (пилотного) исследования, которое было проведено с использованием методологии заочного анкетирования в формате онлайн-опроса. Цель этапа – калибровка и уточнение рабочих гипотез, которые были выявлены при использовании качественных методик исследования. Для сбора данных в сентябре–октябре 2023 года была применена вероятностная стратифицированная случайная выборка объёмом в 1129 респондентов.

Результаты

Общие предварительные выводы по результатам исследования (выводы делаются на основе результатов качественного и количественного этапов исследований, за основу взяты результаты качественного исследования, но оставлены или дополнены только те, которые подтверждаются количественным опросом).

1. Безусловным основанием консенсуса всех исследованных категорий молодёжи (и, скорее всего, межпоколенческого единства всего российского общества), причём как

студентов, так и молодых специалистов, является *признание Великой Отечественной войны и Праздника Победы 9 мая как наиболее важного и значимого для всей России и лично для каждого*. Абсолютное большинство в каждой категории не согласны с возможностью переноса празднования 9 мая на 8 мая и с тем, что этот праздник может быть вообще исключён из числа общегосударственных памятных дат. При этом все категории молодёжи подчёркивают, что этот праздник сочетает в себе испытываемое ими чувство гордости за народ и чувство горя за перенесённые им страдания. Различие между категориями проходит в оценке форм празднования 9 мая и других памятных дат Великой Отечественной войны. Если для подавляющего числа студентов аграрных вузов современные формы общегосударственного празднования 9 мая (парад, салют) оцениваются как правильные и одобряемые, то для ИТ-специалистов превалирует позиция отрицания любых милитаризованных форм празднования: *«9 мая должно быть памятью того, что не должно повториться, а не воззванием к тому, что “мы можем повторить”»*. Принятие и неприятие текущих форм празднования 9 мая задаёт спектр отношений среди молодёжи.

При этом важной общей характеристикой исторической памяти о Великой Отечественной войне является то, что *большинство представителей всех категорий молодёжи лично не отмечают 9 мая со своими сверстниками*; для многих студентов характерно сохранение традиции ездить на эти праздники к семье и отмечать с родителями (особенно это характерно для сельской молодёжи). Количественные данные также фиксируют, что во всех категориях молодёжи доля тех, кто сейчас участвует в праздничных мероприятиях 9 мая, существенно меньше, чем тех, кто участвовал в публичных мероприятиях, связанных с 9 мая, в школе. То есть с переходом в студенчество молодёжь перестаёт участвовать в публичном праздновании Дня Победы. Так, даже для

наиболее лояльной к государственной политике сельской молодёжи сохраняется такое соотношение: в школьные годы в Параде Победы принимали участие 74,1% всех респондентов, а за последние 3 года – только 48,7%. Для ИТ-специалистов это отношение таково: в школьные годы в Параде Победы принимали участие 63,6%, за последние 3 года – 36,9%. Также неожиданно встречаются случаи указаний на то, что в семье никогда 9 мая не отмечалось.

2. Другим основанием для общего ценностного консенсуса среди молодёжи является *подавляющее число тех, кто определяет себя патриотом*. Можно осторожно предположить, что для современной молодёжи патриотизм и самоидентификация себя как патриота становятся приемлемой формулой. Это подтверждают и количественные данные. Так, например, на вопрос «Связываете ли вы свои жизненные планы и судьбу страны?» самый распространённый ответ (42,2%) среди ИТ-специалистов: *«Буду жить и работать в России, поскольку здесь родился(-ась) и это моя страна»*; и только на втором месте с существенным отрывом (13,9%) выбран ответ: *«Мои планы зависят от дальнейшего социально-политического развития России»*.

Одним из ключевых факторов проявления патриотизма в контексте историко-культурной идентичности является осознание себя наследником российской истории. Здесь также присутствует консенсус среди всех групп молодёжи: большинство готовы признать себя наследниками российской истории и считают правильным для всей молодёжи осознавать себя таковыми. При этом количественные данные выявляют существенное отличие у ИТ-специалистов: хотя подавляющее большинство считают важным для современного человека ощущать себя наследником истории России (75,6%), на вопрос: *«Считаете ли вы себя наследником истории России, продолжающим традиции России и несущим ответственность за историческую судьбу и путь развития Рос-*

сии сейчас?» утвердительно отвечают только 55,8%, остальные отвечают отрицательно. Глубинные интервью также фиксировали неуверенность молодёжи (особенно студенческого возраста) в том, чтобы определить конкретное содержания понятия «наследники» в контексте российской истории и культуры.

Другой фактор патриотизма – чувство сопричастности процессам развития России и осознание своей возможности влиять на судьбу страны – неожиданно проявлен во всех категориях очень слабо. Большинство респондентов в глубинных интервью показывают, скорее, ощущение неспособности повлиять на будущее России, причём у ряда респондентов это связано с чувством «страха» перед соответствующей ответственностью за судьбу страны. Количественные данные тут дают однозначную негативную картину. На вопрос «Можете ли вы лично повлиять на будущее России?» отрицательно ответили: 54% сельской молодёжи, 66% ИТ-специалистов, 52% «геймеров». Отметим, что в целом среди «геймеров» оптимистически настроенных в отношении своего будущего и влияния на будущее России больше всего (возможно, это связано в целом с психологическими особенностями отношения «геймеров» к реальности, которую можно «переиграть»). Ещё более негативная картина вырисовывается при анализе ответов всех категорий молодёжи на вопрос, согласны ли они с утверждением *«Я могу влиять на принятие новых законов и политических решений»*, с которым не согласны более 70% во всех исследованных категориях.

3. Ценность истории России как области влияния государства (сильной государственной исторической политики) оценивается разными категориями молодёжи по-разному. Существует общий консенсус в том, что история должна быть в фокусе внимания государства, однако разные категории оценивают степень участия государства в пропаганде и защите истории по-разному. Также здесь мы зафиксировали расхожде-

ние данных качественного исследования и количественного опроса. Для «геймеров» и ИТ-специалистов, в отличие от сельской молодёжи, характерен высокий процент тех, кто считает, что насильственное введение некоторых памятных дат является неправильным и вызывает отторжение. Наиболее распространено негативное отношение к таким относительно новым историческим праздникам, как День народного единства (в количественном опросе за то, чтобы отменить этот праздник, выступили 32,6% ИТ-специалистов и 31,2% «геймеров» при 17,5% сельской молодёжи). Однако «лидерами» антирейтинга в количественном опросе (в глубинных интервью они даже не упоминаются респондентами) среди всех категорий молодёжи являются День Конституции и День государственного флага РФ. Также осторожно молодёжь большинства групп относится к участию государства в борьбе с фальсификацией истории. Почти треть в каждой категории согласна с утверждением: *«Такая проблема есть, но государство должно ограничить своё участие поддержкой научного сообщества и научных исследований по этой теме»*. При этом второй по популярности ответ во всех категориях: *«Это одна из самых значимых проблем, противостоять фальсификации истории можно только с помощью государства»*. Качественные интервью также показывают, что молодёжь делится на три категории: 1) тех, кто считает историю и оценку истории личным делом каждого отдельного человека (это меньшинство во всех категориях); 2) тех, кто считает историю значимой для единства всего народа/государства, но отстаивает право иметь каждому своё мнение (большинство в категориях ИТ-специалистов и «геймеров»); 3) тех, кто считает, что история должна быть зоной контроля со стороны государства (большинство в категории сельской молодёжи).

Отдельно стоит выделить такой аспект отношения к истории, как личная ценность истории для молодёжи. Безусловно, по-

вторимся, что во всех категориях молодёжи присутствует ценность истории России и признание необходимости её помнить и знать. При этом большинство считает, что история – это прежде всего «объективное знание о событиях прошлого и причинно-следственных связях между ними». История как коллективная память и как наследие, как ни странно, является намного меньшей ценностью, то есть в молодёжной среде превалирует позитивистское отношение к истории как объективному знанию. Также стоит отметить, что в каждой категории молодёжи количественный опрос даёт не более 10% тех, кто согласен с утверждением *«Я интересуюсь и много занимаюсь самостоятельным изучением истории России, поскольку считаю это важным для личного развития и понимания своей страны»*, большинство (примерно четверть) в каждой категории указывают, что они самостоятельно интересуются историей, но не систематически. Примечательно, что среди сельской молодёжи большинство согласилось с утверждением, что историю *«изучали в школе, колледже или вузе, но самостоятельно информацию не ищу»*. Это подтверждается и качественным исследованием, которое показало, что меньше всего знаний об истории России и интереса к самостоятельному изучению её проявляется как раз среди сельской молодёжи.

4. Мы не смогли установить, что у какой-либо из категорий молодёжи есть специфическое содержание исторической памяти, то есть свой уникальный ряд исторических событий, память о которых и мемориальные практики которых характеризуют эту категорию. На данный момент профессиональная и социальная (связанная с принадлежностью какому-то социальному классу, например, сельскому населению) память молодёжи очень бедна. Молодёжь просто не знает отечественную историю своего профессионального поля и не отмечает специфические «профессиональные» праздники. Хотя все категории респон-

дентов соглашаются, что знать историю своей профессии важно, (соглашаются с этим 79,5% сельской молодёжи, 75,5% «геймеров», 62% ИТ-специалистов, сами они это не практикуют. Во многом это объясняется отсутствием (или, более точно, насильственным прерыванием, обусловленным переломными моментами нашей истории XX века) в российских профессиональных полях традиций и обычаев, связанных с прошлыми достижениями в трудовой истории. Но также данный факт объясняется и тем, что профессиональная идентификация в целом ослаблена у тех категорий молодёжи, которые мы исследовали. Особенно это интересно для ИТ-специалистов, которые воспринимают себя скорее как компетентных и востребованных специалистов, чем носителей профессиональной идентичности. Хотя качественные интервью выявляют наличие у отдельных представителей (кстати, как и у «геймеров», которые не принадлежат к одному профессиональному полю, но тем не менее образуют уникальное сетевое сообщество с особой субкультурой [17]) опыта самостоятельного поиска отечественной истории своего профессионального поля.

5. Качественное исследование показывает *запрос молодёжи на новые праздники или усиление таких, которые имеют значения для будущего страны и всего мира*, особенно это касается Дня космонавтики 12 апреля: *«Не хватает таких исторических праздников, которые говорят что-то положительное о будущем, как, например, полёт первого человека в космос»*. При этом количественный опрос показывает, что для большинства молодёжи этот праздник является прежде всего *«одним из главных событий в мировой научной сфере»* (41,7% ИТ-специалистов, 38,1% сельской молодёжи и 39,7% «геймеров»), и только на

втором месте по популярности ответ *«Это одна из главных побед советской науки и промышленности»*. Можно предположить, что *существует высокий потенциал этого праздника для формирования исторической памяти и чувства сопричастности российской истории у молодёжи в связи с его научным и культурным значением, бесспорным в мировом масштабе*. В то же время в качественном опросе только единицы указывали этот праздник самостоятельно, большинство «припоминали» его в результате прямых вопросов, что говорит о том, что в актуальной исторической коллективной памяти, на фоне «традиционных» праздников День космонавтики не является частью общественной и личной жизни. Обладая высоким потенциалом для межпоколенческого ценностного консенсуса, он не образует пока устойчивой коммеморативной практики ни для молодёжи, ни для всего российского общества.

Дискуссия и выводы

Проведённое исследование во многом подтверждает результаты современных конфирматорных исследований на больших выборках молодёжи³, фиксирующих ценность для молодёжи как памяти и знания об истории России в целом, так и значимость таких ключевых событий, как Великая Отечественная война и День Победы. При этом феноменологическое исследование позволило выделить ряд значимых проблем функционирования исторической памяти у различных категорий молодёжи. Прежде всего, это проблема отхода студенческой и работающей молодёжи от современных предлагаемых государством коммеморативных практик. О снижении значимости для молодёжи собственно военного героизма в таких практиках, связанных с памятью о Великой Отечественной войне и, напротив, повыше-

³ К 79-й годовщине окончания Великой Отечественной войны. День Победы: восприятие праздника и освещение войны в СМИ. URL: <https://fom.ru/Proshloe/15013> (дата обращения: 19.09.2024); Чтобы помнили! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/chtobyopomnili> (дата обращения: 19.09.2024).

нии значимости «трагедии народа», уже писали некоторые социологи [18], но наше исследование также показало намечающийся запрос молодёжи на другие памятные даты, имеющие значение для будущего России (как, например, 12 апреля). Обнаружение в истории России таких событий, обладающих позитивной значимостью для формирования чувства личной связи с историко-культурным наследием России, является, на наш взгляд, критически важным направлением развития государственной политики исторической памяти.

Используемый в проведённом исследовании подход дифференциации молодёжи по разным профессиональным и социальным категориям позволяет более строго подходить к выработке таргетированной политики исторической памяти: наши результаты показывают серьёзное расхождение в оценке как исторических событий, так и государственной исторической политики среди разных категорий молодёжи. К сожалению, на данный момент ни в академических исследованиях исторической памяти и идентичности молодёжи, ни в практики патриотического воспитания такой дифференцированный подход не применяется и используется только в региональном разрезе (см., например, исследование национальных регионов Приволжского федерального округа [19]). Особенности формирования исторической памяти в профессиональных и субкультурных полях на данный момент не лежит в фокусе внимания исследователей. Зафиксированный по результатам нашего исследования разрыв между исторической памятью общероссийской истории и своей профессиональной идентичностью (попросту незнание своей профессиональной истории, отсутствие актуальной памяти о ней) является существенной проблемой современной исторической политики в России: молодёжь формирует свою профессиональную и социальную стратегию самоопределения без опоры на исторические образцы. По всей видимости, нам требуется

«конкретизация» исторической политики в отраслевых сферах, ориентированной на студентов старших курсов и молодых специалистов. Однако для таких профессиональных полей, как ИТ-сфера, во многом формирующих устойчивые идентификационные связи с западными традициями, разработка таких решений требует новых подходов. В связи с чем открывается перспектива для более комплексных исследований на больших выборках молодёжи.

Наконец, рассматривая историческую память как осознанное принятие прошлого своей страны, как основания для выработки собственной жизненной стратегии, результаты проведённого исследования позволяют зафиксировать важную психологическую особенность формирования исторической памяти молодёжи, отмечавшуюся уже в работах психологов [20]: разрывы в исторической и культурной преемственности нашей истории (прежде всего, XX века) не позволяет молодёжи осознать себя наследником целостной истории. Отсутствие в целом консенсуса в российском обществе о советском периоде истории, последствия агрессивного нивелирования ценности этого периода, предпринимавшиеся в 90-е годы, в целом негативно влияют на принятие молодёжью российской истории как чего-то цельного, наследниками чего она является. И в этой связи, на наш взгляд, как раз позитивное переосвоение наследия XX века в контексте профессиональных достижений советского периода и образов будущего, привлекательного для всего мира, могут стать эффективной стратегией разработки государственной политики исторической памяти.

Литература

1. Васильев А.Г., Высокова В.В., Заиченко О.В., Ионов И.Н., Киричанов М.В. и др. Прошлое для настоящего: История-память и нарративы национальной идентичности. Коллективная монография. М: Аквилон. 2020. 464 с. ISBN: 978-5-906578-63-1. EDN: YKMUED.

2. Историческая политика и память о прошлом в контексте обеспечения национальной безопасности (ко Дню народного единства и 145-летию со дня рождения Ф.Э. Дзержинского). Материалы межведомственной научно-практической конференции. Минск: Институт национальной безопасности Республики Беларусь. 2022. 184 с. ISBN: 978-985-7040-89-6. EDN: JCMSEX.
3. Соколов А.С. Историческая память и проблема идентичности // *Личность. Культура. Общество*. 2020. Т. 22. № 1-2 (105-106). С. 157–162. DOI: 10.30936/1606-951x-2020-22-1/2-157-162
4. Фадеев П.В. История России как объединяющий компонент российской гражданской идентичности // *Россия реформирующаяся*. 2021. № 19. С. 413–425. DOI: 10.19181/ezheg.2021.17
5. Андришюков А.А. Формирование российской идентичности как задача образования: мировоззрение, создающее будущее // *Вопросы образования*. 2013. № 3. С. 287–300. DOI: 10.17323/1814-9545-2011-3-287-300
6. Кулиш В.В., Матвеева Н.А. Социальный механизм функционирования исторической памяти // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 10. С. 16–23. DOI: 10.24158/spp.2022.10.1
7. Ассман А. Распалась связь времён? Взлёт и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение. 2017. 272 с. ISBN: 978-5-4448-0648-7.
8. Будущее нашего прошлого–7: Историческая память и коммеморативные практики. Материалы международной конференции. М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2022. 438 с. ISBN: 978-5-7282-3178-6. EDN: THDVOO.
9. Алексеев С.В., Бойков А.Е., Галлямов Р.Р., Забнева Э.И., Ильин О.И. и др. Трансформация социально-экономических процессов в современной России. Коллективная монография. Ульяновск: Зебра. 2019. 209 с. EDN: YZWATZ.
10. Тузиков А.Р., Зинурова Р.И. Российская гражданская идентичность студенчества и проблема национального нарратива отечественной истории (на примере Великой Отечественной войны) // *Управление устойчивым развитием*. 2023. № 3. С. 60–66. DOI: 10.55421/2499992X_2023_3_60.
11. Ильин А.Ю., Рожнева С.С. Молодёжь о Великой Отечественной войне: взгляд из регионов России // *Studia Humanitatis Borealis*. 2022. № 3. С. 44–70. DOI: 10.15393/j12.art.2022.3861
12. Подлесная М.А., Соловьёва Г.В., Ильина И.В. Историческая память: школьники и студенты об истории России // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12. № 2. С. 55–82. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.711
13. Шифокалова Г.С. Историческая память молодёжи: село vs город // *Социологические исследования*. 2020. № 9. С. 28–37. DOI: 10.31857/S013216250010005-8
14. Moustakas C. Phenomenological research methods. London: SAGE Publications Ltd, 1994. 208 p. DOI: 10.4135/9781412995658
15. Willig C. Introducing Qualitative Research in Psychology: Adventure in theory and method. Berkshire: Open University Press McGraw-Hill Education. 2008. 244 p. ISBN10: 0 335 22115 7 (pb).
16. Бусыгина Н.П. Методология качественных исследований в психологии. М.: ИНФРА-М. 2013. 304 с. ISBN: 978-5-16-006022-4.
17. Логвинов И.Н., Сарычев С.В., Логвинова М.И., Логвинова Т.И. Структура ценностных ориентиров молодёжной субкультуры «Геймеров» // *Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2013. № 3 (27). С. 262–269. EDN: RQAPPV.
18. Фадеев П.В. Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12. № 2. С. 36–54. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.710
19. Полутин С.В., Булабин А.В., Zubov O.E., Нагаева Т.В. События прошлого в исторической памяти молодёжи национальных регионов Приволжского федерального округа // *Регионология*. 2021. Т. 29. № 1 (114). С. 191–215. DOI: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215
20. Нуркова В.В. История как личный опыт // *Историческая психология и социология истории*. 2009. № 1. С. 5–27. URL: https://www.socionauki.ru/journal/files/ipisi/2009_1/istoriya_kak_lichnii_opit.pdf (дата обращения: 19.09.2024).

Статья поступила в редакцию 06.05.2024

Принята к публикации 07.10.2024

References

1. Vasilyeva, A.G., Vysokova, V.V., Zaichenko, O.V., Ionov, I.N., Kirchanov, M.V. et al. (2020). *The Past for the Present: History/Memory and Narratives of National Identity*. Moscow: Aq-uilo. 464 p. ISBN: 978-5-906578-63-1. (In Russ.).
2. *Historical Policy and Memory of the Past in the Context of Ensuring National Security* (to the Day of National Unity and the 145th anniversary of the birth of F.E. Dzerzhinsky) (2022). Materials of the interdepartmental scientific and practical conference. Minsk: Institute of National Security of the Republic of Belarus. 184 p. ISBN: 978-985-7040-89-6. (In Russ.).
3. Sokolov, A.S. (2020). Historical Memory and the Problem of Identity. *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo = Personality. Culture. Society*. Vol. 22, no. 1-2, pp. 157-162, doi: 10.30936/1606-951x-2020-22-1/2-157-162 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Fadeev, P.V. (2021). The History of Russia as a Unifying Component of the Russian Civil Identity. *Rossiya reformiruyushchayasya = Reforming Russia: Yearbook*. No. 19, pp. 413-425, doi: 10.19181/ezheg.2021.17 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Andryushkov, A.A. (2013). The Formation of Russian Identity as an Aim of Educational System: Philosophy That Creates Future. *Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow*. No. 3, pp. 287-300, doi: 10.17323/1814-9545-2011-3-287-300 (In Russ.).
6. Kulish, V.V., Matveeva, N.A. (2022). Social Mechanism of Historical Memory Functioning. *Obshchestvo. Sociologiya. Psikhologiya. Pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. No. 10, pp. 16-23, doi: 10.24158/spp.2022.10.1 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Assmann, A. (2017). *Has the Connection of Times Broken Up? The Rise and Fall of the Temporal Regime of Modernity*. Moscow: New Literary Observer. 272 p. ISBN: 978-5-4448-0648-7. (In Russ.).
8. *Budushchee nashego proshlogo–7: Istoricheskaya pamyat' i kommemorativnye praktiki* [The Future of Our Past–7: Historical Memory and Commemorative Practice]. (2022). Materials of the International Conference. Moscow: Russian State University for the Humanities. 438 p. ISBN: 978-5-7282-3178-6. (In Russ.).
9. Alekseev, S.V., Boykov, A.E., Gallyammov, R.R., Zabneva, E.I., Il'in, O.I. et al. (2019). *Transformatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov v sovremennoi Rossii* [Transformation of Socio-Economic Processes in Modern Russia]. A Collective Monograph. Uljanovsk: Zebra. 209 p. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_37120577_89125955.pdf (accessed: 19.09.2024). (In Russ.).
10. Tuzikov, A.R., Zinurova, R.I. (2023). *Rossiiskaya grazhdanskaya identichnost' studentchestva i problema natsional'nogo narrativa otechestvennoi istorii (na primere Velikoi Otechestvennoi voiny)* [The Russian Civil Identity of Students and the Problem of the National Narrative of National History (on the Example of the Great Patriotic War)]. *Upravlenie ustoychivym razvitiem = Sustainable Development Management*. No. 3, pp. 60-66, doi: 10.55421/2499992X_2023_3_60 (In Russ.).
11. Il'in, A.Yu., Rozhneva, S.S. (2022). Young People' Attitude to the Great Patriotic War: A View from Russian Regions. *Studia Humanitatis Borealis*. No. 3, pp. 44-70, doi: 0.15393/j12.art.2022.3861 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Podlesnaya, M.A., Solovyova, G.V., Il'ina, I.V. (2021). Historical Memory: Schoolchildren and Students about the History of Russia. *Vestnik Instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 12, no. 2, pp. 55-82, doi: 10.19181/vis.2021.12.2.711 (In Russ., abstract in Eng.).
13. Shirokalova, G.S. (2020). Historical Memory of Youth: Village vs City. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. No. 9, pp. 28-37, doi: 10.31857/S013216250010005-8 (In Russ., abstract in Eng.).
14. Moustakas, C. (1994). *Phenomenological Research Methods*. London: SAGE Publications Ltd. 208 p., doi: 10.4135/9781412995658

15. Willig, C. (2008). *Introducing Qualitative Research in Psychology: Adventure in Theory and Method*. Berkshire: Open University Press McGraw-Hill Education. 244 p. ISBN10: 0 335 22115 7 (pb).
16. Busygina, N.P. (2013). *Metodologiya kachestvennykh issledovaniy v psikhologii* [Methodology of Qualitative Research in Psychology]. Moscow: INFRA-M. 304 p. ISBN: 978-5-16-006022-4. (In Russ.).
17. Logvinov, I.N., Sarychev, S.V., Logvinova, M.I., Logvinova, T.I. (2013). The Structure of Value Orientations of the Youth Subculture of "Gamers". *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta = Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University*. No. 3 (27), pp. 262-269. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20930556_79169595.pdf (accessed 19.09.2024). (In Russ.).
18. Fadeev P. V. (2021). The Historical Memory of Russians in Sociological Surveys: Foundations, Reality, Problems. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 12, no. 2, pp. 36-54, doi: 10.19181/vis.2021.12.2.710 (In Russ., abstract in Eng.).
19. Polutina, S.V., Bulavin, A.V., Zubova, O. E., Nagaeva, T.V. (2021). Events of the Past in the Historical Memory of the Youth in the Ethnic Regions of the Volga Federal District. *Regionology = Russian Journal of Regional Studies*. Vol. 29, no. 1 (114), pp. 191-215, doi: 10.15507/2413-1407.114.029.202101.191-215 (In Russ., abstract in Eng.).
20. Nourkova, V.V. (2009). [History as a Personal Experience]. *Historical Psychology and Sociology of History*. No. 1, pp. 5-27. Available at: https://www.socionauki.ru/journal/files/ipi-si/2009_1/istoriya_kak_lichnii_opit.pdf (accessed 19.09.2024). (In Russ.).

The paper was submitted 06.05.2024

Accepted for publication 07.10.2024

**Пятилетний импакт-фактор
РИНЦ-2022, без самоцитирования**

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	3,686
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	2,668
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	2,415
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	2,302
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	1,678
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	1,544
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	1,329
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	0,623
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	0,609
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	0,470
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	0,229
ПЕДАГОГИКА	0,005